

В делах Хэ Юй всегда был педантичен до крайности, стремясь к совершенству в каждой мелочи. К тому же он терпеть не мог расточительства. Помогая мне с переездом, он расставался со старыми вещами с большим трудом, чем я сам.

Новая квартира находилась неблизко, и мы провозились до самого вечера, прежде чем всё обустроили. За окном сгустились тяжелые тучи, и вскоре на землю обрушились крупные капли дождя. Спустя мгновение ливень уже неистово барабанил по стеклам.

Я совсем забыл посмотреть прогноз погоды: на ближайшие восемь часов обещали штормовое предупреждение.

Хэ Юй уже взял ключи от машины и собирался уходить, но я остановил его:

— А-Юй, ты сегодня так выручил меня. Оставайся на ночь здесь, ехать в такой ливень небезопасно.

Хэ Юй взглянул на размытый из-за дождя пейзаж за окном и покладисто кивнул:

— Хорошо.

Система тут же забила тревогу: □Спать — можно, спать с ним — нельзя! Ты ведь не собираешься среди ночи залезть к главному герою под одеяло?□

Я ответил с досадой: □Система, я знаю, что ты на взводе, но давай без паники. Ты всё переиначиваешь. Разве не твой «сыночек» каждый раз в дождливую ночь лезет ко мне под одеяло?□

Хэ Юй, как и положено «властному президенту», нуждающемуся в исцелении души, имел за плечами трагическое детство. Ему достался сценарий «подмененного наследника».

В пять лет, после внезапной смерти матери, его тайна раскрылась. Когда влиятельная семья Хэ из Хайши узнала, что он — сын домработницы, его без колебаний выбросили в один из подвластных им приютов.

Детская жестокость порой проще, прямолинейнее и ужаснее взрослой.

Маленький господин, родившийся с золотой ложкой во рту, рухнул в самую грязь. Из недосыгаемой луны в небесах он превратился в отражение в луже, которое каждый мог безнаказанно топтать и разгонять брызгами. Все хотели ударить его побольнее, словно так они могли выместить злость за собственное бессилие и никчемную жизнь.

В одну из таких дождливых ночей группа приютских детей во главе с толстяком заперла маленького Хэ Юя в заброшенном складе. Он продрог до костей, лицо его побледнело, а губы посинели. Я тогда снял свою куртку, укутал его хрупкое тельце и обнял, согревая своим теплом.

С тех пор грозы стали для него психологической травмой. В детстве он, напуская на себя серьезный вид, не желал в этом признаваться, но, повзрослев, отбросил это неловкое упрямство. Каждую дождливую ночь он пробирался в мою постель и крепко прижимался ко мне.

Иногда он даже протяжно, по-детски капризничал:

— А-Цзинь, обними меня, мне страшно.

Даже когда позже я увез его из сырого и дождливого Хайши в засушливый Северный город, травма не прошла до конца.

8

Наступила ночь. Гремел гром, сверкали молнии, их белые вспышки пробивались сквозь щели в шторах.

Послышался скрип двери. Постель прогнулась, и я почувствовал спиной обжигающее тепло.

Я замер. Только хотел незаметно отодвинуться, как мою талию обхватила крепкая рука. Горячее, влажное дыхание Хэ Юя коснулось моей шеи. Мурашки пробежали по всему позвоночнику.

— А-Цзинь, я знаю, что ты не спишь. В последний раз... не отталкивай меня так жестоко, хорошо?

Голос звучал очень тихо и жалобно. Хэ Юй с самого детства был необычайно красив. Став взрослым, он и вовсе превратился в идеальное воплощение моих эстетических предпочтений, очаровывая меня до безумия.

В восемнадцать-девятнадцать лет, когда кровь кипит и любая искра может вызвать пожар, мне — прирожденному гею — было невыносимо терпеть эти его постоянные объятия.

Тогда мне пришлось с холодным лицом лгать ему: «А-Юй, когда-нибудь мы оба женимся, заведем детей. Ты не можешь вечно так зависеть от меня. Я могу бросить тебе веревку, чтобы вытащить из бездны, но ты не должен позволять этой веревке стать петлей на твоей шее на всю оставшуюся жизнь, понимаешь?»

С тех пор Хэ Юй больше никогда не приходил ко мне в дождливые ночи. Он стал еще более замкнутым и непредсказуемым.

Я вздохнул и обратился к Системе: □Система, сделай одолжение. Парень весь день возился с моим переездом, даже простыни сам застилал. Будет по-свински вышвырнуть его из кровати прямо сейчас.□

Система фыркнула: □Притворяйся дальше, у самого улыбка до ушей. Ладно, учитывая, что герой скоро встретит героиню, на этот раз прощаю.□

Узнав о заоблачном уровне симпатии в 99 баллов, Система стала следить за нашими контактами как заправский детектив. Она прекрасно знала мои повадки из прошлой жизни и до смерти боялась, что я дам волю своей «животной» натуре и «обижу» парня.

Опираясь на его упругую грудь, я, обнаглев, незаметно надавил на неё локтем. В ухо прилетел приглушенный, хриплый стон.

Черт возьми! Отлично натренирован. В школе он был таким слабаком, что мне приходилось отбивать его от хулиганов. А теперь — широкие плечи, узкая талия, из тех фигур, что идеально выглядят и в одежде, и без неё. Ростом он уже перегнал меня. Тело высшего класса.

Жаль, что можно только смотреть, но нельзя прикоснуться по-настоящему. Какая сладкая пытка.

Я ответил Хэ Юю: — Ладно. Спи. В последний раз.

Все равно скоро возможности безнаказанно пользоваться близостью главного героя не будет. У героини Ши Цин была тяжелая судьба: отец-игрок, мать-алкоголичка — классический набор для «разбитой души».

Она подрабатывает официанткой на банкете в честь дня рождения Хэ Юя, и там они влюбляются друг в друга с первого взгляда. Система сказала: притяжение главных героев заложено в них самой природой. Один взгляд — и искры летят во все стороны.

А нынешняя аномальная симпатия Хэ Юя ко мне — лишь небольшая погрешность сюжета. Стоит мне держать дистанцию и до конца следовать образу натурала — и сюжет вернется в норму без особых проблем.

9

Когда этот день настал, я понял, что Система не врала. Банкет в честь дня рождения Хэ Юя был не просто праздником, а важным светским событием в высших кругах Северного города, где за бокалом шампанского заключались сделки. Было шумно и оживленно.

Ши Цин в белой рубашке официантки и черной короткой юбке разносила напитки гостям. Одним своим присутствием она приковывала к себе любопытные взгляды.

Хэ Юй беседовал с генеральным директором компании-партнера. Я рассеянно стоял рядом, то и дело поглядывая на героиню. Тонкий, стройный силуэт, чистая и нежная, как бутон лотоса; внешне хрупкая, но с твердым характером. Действительно, красавица.

<http://bllate.org/book/17224/1611632>